Юлдашева Тамара-Бону Дильмуратовна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Россия
Shokoladochka.ru@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРЯДА «ВХОЖДЕНИЕ В НОВЫЙ ДОМ»

Ключевые слова: этнолингвистика, культура Русского Севера, традиция ритуала, обряд «Вхождение в новый дом», вербальный ритуальный код.

Данный доклад посвящен изучению вербального оформления ритуала на примере конкретного ритуала «Вхождение в новый дом». Материалом для доклада послужили записи из архива «Духовная культура севера в народной словесности». В ходе анализа были исследованы структурные и семантические особенности ответов корреспондентов (около 30 контекстов-ответов), которые показали: кого приглашали при переезде в новый дом, кто из членов семьи должен был зайти первым, в какое время суток лучше было переходить и т.д.
Некоторые примеры ответов:

- «В новый дом утром переходили. Входил сначала хозяин» (1987 д. Своятино, Новг. обл.)
- «Наносят воды, священника позовут, чтобы освятил» (1987 д. Дуброво, Волог. обл.)
- «Перво наперво кошку пускали» (1987 д. Дуброво, Волог. обл.)

Yuldasheva Tamara-Bonu

Saint Petersburg State University (SPbSU),
St. Petersburg, Russia

THE FIRST ENTRY INTO A NEW HOUSE

Keywords: ethnolinguistics, culture of the Russian North, the rite of “entry into a new house”, the ritual tradition, ritual verbal code.

This report is devoted to the study of the verbal design of rituals basing on the example of a particular one: “The first entry into a new house”. Material from the archive “Spiritual culture of the north in the folk literature” were used for the report. The structural and semantic features of the correspondent’s responses (about 30 respondents) that were studied during the analysis showed: which people were invited when moving to a new house, which one of the family members had to enter first, what time of the day was the best for moving.

Материал, привлечённый к исследованию, — записи полевых экспедиций студентов, аспирантов и сотрудников русского отделения Филологического факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета, хранящиеся в Архиве кафедры русского

языка «Духовная культура Русского Севера в народной словесности». В ходе исследования рассмотрены 6 архивных папок за 1984–1989 гг. по итогам работы экспедиций в Пинежском, Каргопольском районах Архангельской обл., в Череповецком районе Вологодской обл. и Батецком районе Новгородской обл. (более 800 рукописных листов).

Русский Север давно привлекает внимание ученых по ряду причин: во-первых, это районы, не затронутые татаро-монгольским нашествием XIII–XV вв. и не охваченные наиболее жестокой — помещичьей формой крепостного права в XVII–XIX вв. Во-вторых, севернорусские области сформировались как естественное хранилище народных бытовых традиций и народной художественной культуры. По мнению К. В. Чистова, эти историко-культурные характеристики составляют своеобразие региона [Чистов, 1973].

Экспедиционная программа «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» включает специальный тематический опросник, состоящий из 18 вопросов. Для исследования привлечены собирательские интервью по одной теме — «дом, строительство» и ответы на один вопрос: «Как происходил переход в новый дом?», с уточняющими: «Какое животное первым впускали в новый дом?», «В какое время суток происходил переход в новый дом?», «Кто из людей первым входил в новый дом?».

Цель данного сообщения — рассмотреть структуру и семантику этих текстов-ответов с позиции этнолингвистики, которую Н. И. Толстой определяет как «раздел языкознания, направленный на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества» [Толстой, Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин, 1995].

Толстой выделяет в ритуале три кода (уровня) — вербальный (словесный), реальный (предметный) и акциональный (действенный). Предмет нашего рассмотрения — преимущественно вербальный уровень как неотъемлемая часть санкционированного традицией ритуала.

При самом первичном анализе выделенных текстов видно, что это тексты разного количественного состава, разного грамматического оформления, что объяснимо в условиях устного интервью. Однако в них есть непременные семантические центры (ключевые лексемы), которые создают содержательную цельность текста.

Многие тексты содержат описание не всех названных уровней ритуала, например:

— В новый дом переезжают всё на ночь/ в новолуние/ в полный месяц штоб жить полно// первым пускают петуха да кошку/ а заходят кто постарше/ кто в новый дом первый зайдет/ тот первый и умрет// (Арх., Усть-Пёза, 1986).

Как видим, глаголы *переезжают*, *пускают (петуха)*, *заходят (кто постарше)* — создают акциональную (действенную) канву повествования.

Существительные со значением «ритуальный предмет, животное» — *петух*, *кошка* — обозначают мифологизированные образы традиционного ритуала вхождения в новый дом. Вербальный уровень этого же ритуала встречаем в других контекстах при уточняющих вопросах:

— Что говорили при переходе в новый дом?
— Дедушко-домовеюшко / пусти меня на подворьи/ хозяишко/ ни пугай и меня не задевай// (Арх. Тимощелье 1986)

Вербальный уровень, как правило, представлен речевым актом — просьбой, мольбой, обращением к домовому, иногда — его жене, номинации которых очень интересные: *дедушко-доманушко*, *дедушко-модовеюшко*, *дедушка-доможирушка*, *дедушка-домогорни**ц**ок*, *дедушко да мамушка* и др.

При уточняющем вопросе (В какое время вхождили в новый дом?) в ряде текстов даны указания времени, причем хронотоп обряда может отличаться даже в границах одной деревни:

*— Всё в новый дом переезжают **на утреней заре**/ да иконку перву вносят/ хозяин да хозяйка фходят/ а потом и все//* (Арх., Усть-Пёза, 1986).

*— В новый дом переезжают **всё на ночь/ в новолуние/ в полный месяц** / штоб жить полно//* (Арх., Усть-Пёза, 1986).

*— На **полной луны** переходили/ чтобы жизнь было полной //* (Арх, б. р. Мез., Заозерье, 1986)

В некоторых интервью встречаем указание на особый день, когда предпочтительнее переходить в новый дом:

*— В **великой четверг** в новый дома переходить/ чтоб богатство//* (Арх., Петрово, 1986)

Указывается также день, в который не стоит этого делать:

*— В новый дом кошку перву запустат/ да петуха/ в **благовешенский день не пойдут**//* (Арх, б. р. Мез., Жердь, 1986)

Следует обратить внимание и на то, что часто время имеет свою мотивировку, выраженную через ассоциативный ряд слов, как бы создающих символический параллелизм:

… солнышко ***всходит/ заходи****/ к житью …*
… переезжают в ***новолуние/ в полный месяц*** */ штоб жить* ***полно …***

Этот повтор однокоренных слов создает, с одной стороны, условия для связности спонтанного устного текста, а с другой — формирует мифологические ассоциации.

Можно отметить, что этот же прием повтора, только предметного, можно наблюдать в ответах на вопрос, что тоже отчасти скрепляет этот спонтанный текст, например:

*— Как на н**ово**селье идти/ крюк/ ко**ц**ергу за собой волокут/ чтоб в дом/ добро копилось//* (Арх., Пин., Городецк, 1985)

— И еще заносят ***житце*** */заносят/ и в каждый уголок положат// молодой когды заходят/ житцем посыпают//* (Арх, б. р. Мез., Жердь, 1986)

При анализе ключевого слова устного текста, создающего его содержательную цельность, целесообразно перейти к классификации текстов по номинации центрального мифологизированного персонажа рассматриваемого ритуала.

Наиболее частотный персонаж — петух. Упоминание его встречается 34 раза, что составляет ровно треть из всех отобранных ответов. Петух, по данным словаря «Славянские древности», — это вещая птица, наделяемая огненной, солнечной энергией, а также символикой плодородия, способностью противостоять нечистой силе [Толстой, Славянские древности: Этнолингвистический словарь, 1995].

Например:

— Если петух в новый дом зашел и запоет в двенадцать часов/ то хорошо будет // (Арх., Мез., Клинса, 1986)

Второй по частотности персонаж — кот: **кошка**, **кот**, **ко́танка**. Интересно, что наиболее употребительны номинации женского рода.

— Заходя в дом/ кошку занося/ дак ***кошка и есть домовой****//* (Вол., Чер. р-н, Сковятино, 1987)

— В новый дом котанка первым пускали/ ***кот дому хозяйн****//* (Арх., Пин. р, Кеврола, 1984)

— А еще ***петухов да кошек*** *вперед заносят/ чтоб добро копилось//* (Арх., Усть-Пёза, 1986)

Важно, что в языческие, по своему происхождению, ритуалы входят и христианские святые, предметы:

— ***Святой Захарий****/ он* ***сторож всем домам****/ как в новый дом входя/ все его молили//* (Арх., Пин. р-н, Городецк, 1985)

— *Когда в новый дом заходили / кошку сначала пихали/ в четыре угла* ***святой водой*** *плескали* // (Арх., Пин. р-н, Остров, 1985)

— *Всё в новый дом переезжают на утреней заре/ да* ***иконку перву вносят****/ хозяин да хозяйка фходят/ а потом и все//* (Арх., Усть-Пёза, 1986)

Обратим внимание, что здесь представлены разные по структуре тексты. Часть из них состоит из нескольких предложений, о которых можно судить по отметкам собирателей — знаки конца предложения (//). Запись устного текста в синтаксическом отношении (постановка границ предложения) в большой степени зависит от воли и лингвистического чутья собирателя, поэтому характеристика предложения в таких случаях может восприниматься как в некотором роде условная операция.

Самый длинный контекст разбит собирателями таким образом:

— *В дом заходят определенным порядком// сначала хозяйка с иконой/ сзади хозяин// у хозяйки в одной руке хлеб соль/ в другой икона// заходит в дом / спускай петуха/ его несет хозяин и говорит/ дедушко/ домовеюшка/ пусти/ пой/ корми/ обувай/ одевай и обогревай// люби и береги!// тогда и заходить можно//* (Арх., б. р. Мез., Жердь, 1986)

В тексте выделено 5 предложений, они преимущественно безличные (односоставные), предложения объединяются бессоюзной связью.

Самые короткие — представляют одно предложение, в котором весьма односложно информант сообщает об одном предмете (персонаже) ритуала.

— *В новый дом петухов спускали* // (Арх, б. р. Мез., Жердь, 1986)

— *Раньше в новый дом икону сначала вносили* // (Новг., Кисово, 1987)

— *А кошку вперед пускали в дом то* // (Новг., Шейно, 1987)

С точки зрения этнолингвистики, любое ритуально семантизированное действие осознается полноценным единым текстом; в полевых условиях при записи ритуала может отсутствовать какой-либо из его уровней. Но он всегда домысливается, потому что традиция консервативна и не всегда эксплицирована вербально, но она, как правило, хранится в памяти, создавая условия для множества вариантов сюжетных рассказов на заданную тему.

ЛИТЕРАТУРА

Толстой Н. И. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в V томах. М.: Международные отношения, 1995. Т. IV. 656 с.

Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 27–40.

Чистов К. В., Путилов Б. Н. Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973. 280 с.

ИСТОЧНИК

Архив «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры русского языка СПбГУ: область (Арх. / Новг. / Волог.), населенный пункт, год работы экспедиции.